

Маршак с.д.

7.10.92.

Лит. газета. — 1992. — 7 Октя (241) — с. 9

КРЕСЛО № 13

О Маршаке без Маршака

Петербургское телевидение показало фильм «Жил человек...». Этими словами, начинающими веселую детскую книжку Маршака, назван фильм о самом поэте.

Первое, что бросается в глаза, — в фильме нет Маршака. Камера показывает — и не один раз — старый Арбат, где пляшут и бреччат на гитаре. Крутится карусель — один раз и другой. Показано чаепитие на даче внуков Маршака и их гостей. Показано ниспровержение памятника Дзержинскому (происходившее через 28 лет после смерти поэта!)...

А Маршака, его поэзии, его философской лирики поздних лет, его личности, созданной им редакции — нет. Изредка мелькают его фотографии. Кто-то укоряет Маршака за полученные ордена — это ли не свидетельство его честолюбия и тщеславия, его «трагической и изломанной судьбы»? (А что же сказать о Сахарове, ведь у него была даже Золотая звезда Героя Социалистического Труда?)

В конце прозвучали стихи Маршака о смерти. А ведь эти стихи написаны не «вообще», а на смерть такого дорогого Маршаку человека, как Тамара Григорьевна Габбе. Но, оче-

видно, эта подробность не вписывалась в «ассоциативный киноязык», о котором, по-видимому, сами авторы фильма писали в программе телепередач.

Не зная нравов телевидения, я оказалась втянутой в этот претенциозный фильм. Еще минувшей осенью меня уговорили рассказать о редакции, созданной Маршаком. «Без такого рассказа фильм о Маршаке невозможен», — твердили мне его создатели. И я согласилась. Я подготовила текст, приехала съемочная группа. Рассказанное мной было принято восторженно. А через несколько месяцев из случайного разговора я узнала, что весь мой рассказ выброшен начисто, оставлено лишь несколько слов об аресте наших авторов и редакторов. Вероятно, и мой рассказ оказался непригоден для перевода на «ассоциативный киноязык».

Я дважды писала режиссеру Н. Донскому и главному редактору «Лентелефильма» Е. Агафонову (он же — автор сценария), настаивая на том, чтобы все кадры с моим участием были изъяты. Об арестах 30-х годов известно всем. О редакции, соз-

данной Маршаком и разгромленной в 1937 году, знают единицы. Для миллионов сегодняшних телезрителей слова «редакция, созданная Маршаком», «Академия Маршака» (так тогда говорили) так и остались словами, лишенными содержания.

Но с моим настойчивым требованием авторы фильма не посчитались. В ответном письме (на 6 страницах убористого текста) мне сообщили, что я должна была **заранее** предупредить съемочную группу о том, что калечить мой текст я не разрешаю. Но могла ли я подумать, что подобную расправу с текстом произведут, не получив моего согласия?

После выхода фильма на экран мне уже не раз задавали недоуменный вопрос: почему я так странно выступила, почему не рассказала о маршаконской редакции? Поэтому я и обращаюсь в газету, чтобы ответить на эти упреки: моей вины тут нет. И нет моей вины перед памятью Маршака в том, что я оказалась невольной участницей этого пустого и безвкусного фильма.

А. ЛЮБАРСКАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ